

От автора

Очерки, составляющие эту книгу, несмотря на кажущиеся разнообразие, посвящены одной общей теме — истории древнерусской государственности и ее репрезентации в отечественной историографии. Первоначальные их варианты на протяжении нескольких лет были опубликованы в виде статей в различных научно-периодических изданиях (некоторые из них впоследствии были включены в написанные мною книги по истории Древней Руси и истории русской исторической науки). При подготовке настоящего издания тексты этих статей были переработаны, в них были сделаны необходимые исправления, уточнения и сокращения, обусловленные как унификацией библиографического аппарата, так и стремлением избежать повторов и придать книге сюжетную и структурную цельность.

6 Тематически очерки подразделяются на две части. Одна часть посвящена рассмотрению историографических аспектов терминологических определений древнерусской государственности (в частности, истории возникновения и развития терминов «Киевская Русь», «империя Рюриковичей» и «Древнерусское государство»). Под этими терминами в историографии XIX–XX вв. подразумевалось политическое образование, сложившееся на землях восточных славян вдоль трансконтинентального речного пути «из варяг в греки» после объединения Киева и Новгорода под властью варяжских князей в 882 г. по хронологии «Повести временных лет». Окончательно оно сформировалось на рубеже X–XI вв. после принятия в качестве официальной религии христианства и консолидации восточнославянских земель под властью киевского князя Владимира I (978–1015) через распределение их между его сыновьями (так называемое окняжение земель). Однако уже при жизни Владимира это решение привело к конфликтам внутри его семьи, которые вылились в серию междоусобных войн между его сыновьями (1015–1019, 1024–1026). В конце концов большую часть владений отца объединил под своей

властью один из его сыновей, киевский князь Ярослав I Мудрый (1016–1018, 1019–1054). Незадолго до своей кончины он также разделил города и земли между своими сыновьями: этот раздел в определенные моменты развития историографической традиции рассматривался как начало политической раздробленности древнерусского государства. Проблеме источниковедческого изучения летописного рассказа о разделе 1054 г. и сопутствующем ему завещании («ряде») Ярослава в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) посвящена вторая часть включенных в эту книгу очерков, которые реконструируют процесс критического осмысления летописного текста историками XIX–XXI вв. В качестве приложения дан очерк интерпретаций раздела 1054 г. в отечественных энциклопедических изданиях середины XIX — начала XXI в.

«Киевская Русь» — генезис концепта в историографии XIX–XXI вв.

Несмотря на то, что понятие «Киевская Русь» является основополагающим для характеристики древнерусской государственности, его анализу в отечественной историографии посвящены лишь небольшие очерки авторства украинских [Толочко 1999, с. 29–32] и русских [Долгова 2016, с. 16–20] исследователей, поэтому представляется целесообразным рассмотреть проблему его употребления в нарративах русской исторической науки XIX — начала XX вв.

Инициатором введения в научный обиход словосочетания «Киевская Русь» считается М. А. Максимович — профессор и первый ректор Киевского университета Св. Владимира, — использовавший его в своей работе «Откуда идет Русская земля по сказанию Несторовой летописи и другим старинным писаниям». Анализируя в хронологическом

порядке известия ПВЛ, исследователь отметил, что при Аскольде и Дире «Русь действует на юге, и от нее в Киевской области, в земле Полянской, начинается *Русская Земля*», а «с приходом Олега в Киевскую землю происходит утверждение в ней и распространение на другие области имени Русского» [Максимович 1837, с. 33, 34; см. также: с. 47–49]. «Сия-то древняя Киевская Русь была рассадником *русского духа* для храбрых сыновей своих — *русичей*, духа любви к Русской земле и ее славе, которую звучали самая имена русских князей» [Максимович 1837, с. 54].

Таким образом, термин «Киевская Русь» изначально имел региональный смысл — как синоним Киевской или Полянской земли, начиная с того момента, когда она попадает под власть варяжской руси, появившейся на юге сначала с Аскольдом и Диром, а затем с Олегом, хотя нетрудно заметить, что термин появляется не столько в социально-политическом, сколько в социокультурном контексте, характеризующем определенный этап общей истории восточных славян. Основание этой точке зрения исследователь видел не только в собственных наблюдениях над текстом ПВЛ, но и в предшествующей историографической традиции, о чем говорится

10 в примечании № 42, где для придания веса этим наблюдениям он апеллировал к вышедшей в свет в 1818 г. «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «Еще Карамзин заметил по нашим летописям, что Русью или *Русскою Землею* в древности у нас называлась преимущественно Киевская или Южная Русь» [Максимович 1837, с. 123]. В труде Карамзина помимо утверждения о тождестве «Русской земли» и «Киевской области» в XII–XIII вв., которое было экстраполировано автором на события конца IX в., можно обнаружить определение «киевские россы», использованное в полемике с А. Л. Шлецером [Карамзин 1988, прим. к т. I, гл. IV, стб. 74–75, 79; прим. к т. II, гл. XII, стб. 133].

Таким образом, можно считать, что новация М. А. Максимовича была подготовлена предшествующей историографической традицией. В то же время о разделе Ярослава I в 1054 г. в его исследовании говорится не как о разделе на уделы Киевской Руси, а как о разделе Русского государства, от которого постепенно обособлялись отдельные части, причем этот процесс интенсифицировался «после Второго Владимира, последнего единовластника Древней Руси», т. е. Владимира Мономаха, со смертью которого

в 1125 г. «Стольный Киев стал упадать», а имя Руси, с одной стороны, было перенесено на северо-восток Юрием Долгоруким и Андреем Боголюбским («Суздальская Русь»), а с другой стороны, на юго-запад Романом Мстиславичем («Галицкая, или Червонная Русь»), «города коих были родными детьми Киеву и по утрате коих первозванная *Земля Русская* прозвалась *Украиною*, а в XIV веке во Владимире-Волынском получила название *Малой Руси*» [Максимович 1837, с. 53, 54].

Здесь надо отметить, во-первых, скрытое тождество понятий «Древняя Русь» и «Киевская Русь», благодаря которому последнее потеряло региональное значение, превратившись в синоним Русского государства, что придало использованному Максимовичем терминологическому аппарату эклектичный характер, а во-вторых, дифференциацию понятия «Русь» в историко-географическом контексте XII–XIV вв. Гипотеза о «переносе» Руси на северо-восток и юго-запад сближала построения Максимовича с аналогичными представлениями московского и польского историописания XVI столетия соответственно, некритично воспроизведенными исторической наукой XIX в. [Толочко 1999, с. 30, 31; Горский 2004, с. 152–154], что также

12 свидетельствует о его зависимости от предшествующей историографической традиции. Более десяти лет спустя идея Максимовича о преемственности Киевской и Галицкой Руси получила продолжение у А. С. Клеванова [Клеванов 1849, с. 15], однако широкого распространения в последующей историографии она не имела. Показательно, что сам М. А. Максимович в историко-филологической полемике с М. П. Погодиным, развернувшейся позже на страницах журнала «Русская беседа» [Павленко 2003, с. 161–163; Толочко 2012, с. 211–231], пользовался термином «Киевская Русь» крайне редко [Максимович 1856, с. 85, 94].

Для обоснования и подтверждения этого тезиса достаточно посмотреть на частотность употребления термина в трудах крупнейших представителей отечественной историографии второй половины XIX в.

По одному разу термин «Киевская Русь» употребляется в первых двух томах «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьёва (1851, 1853), посвященных домонгольскому периоду истории: первый раз — в рассказе о столкновениях Киевской Руси с Византией, второй раз — при характеристике территорий, находившихся под властью

рода Рюриковичей после 1146 г. [Соловьёв 1988, с. 130, 644], т. е. в региональном значении. Можно говорить о почти случайном его использовании, поскольку исследователь отдавал предпочтение географическим понятиям «Южная Русь» или «Украина». Сходным образом поступил Н. И. Костомаров — один из основоположников малороссийской историографии, который, отождествляя Русь с Киевской землей, словосочетания «Киевская Русь» практически не употреблял, если не считать редких исключений [Костомаров 2004, с. 16; Костомаров 2005, с. 155, 188, 193, 196], хотя аналогичными географическими понятиями («Ростово-Суздальская Русь», «Червонная Русь») он пользовался регулярно. Редки упоминания «Киевской Руси» как определения дотатарской эпохи и в «Русской истории» (1872) К. Н. Бестужева-Рюмина [Бестужев-Рюмин 2015, с. 330, 363]. Немного чаще термин «Киевская Русь» использовался в первом томе «Истории России» Д. И. Иловайского (1876), причем для обозначения совокупности земель под властью киевского князя [Иловайский 1996, с. 38, 39, 48, 74]. Таким образом, вряд ли можно спорить с утверждением о том, что он не получил широкого распространения в историографии

- 14 XIX в. ни в региональном значении, ни для характеристики древнерусского периода в целом.

В этом отношении ситуация начала меняться после того, как термин «Киевская Русь» был использован в лекционных курсах по русской истории ученика К. Н. Бестужева-Рюмина С. Ф. Платонова (1899) и ученика С. М. Соловьёва В. О. Ключевского (1904).

«Лекции по русской истории» С. Ф. Платонова, подготовленные к печати студентами Александровской военно-юридической академии И. А. Блиновым и Р. Р. фон Раупахом, выдержали в 1899–1917 гг. 10 изданий. Уже в первом издании словосочетание «Киевская Русь» было использовано в качестве заглавия одного из разделов; употреблялось оно и в тексте. Однако следует отметить его использование преимущественно для описания событий XI–XII вв. [Платонов 1899, с. 64–65]. Для более раннего периода употреблялся термин «Киевское княжение» или «княжество» [Платонов 1899, с. 51, 55, 57]. Исследователь дал характеристику государственного устройства, подразумевавшегося под термином «Киевская Русь». Этот термин относился к правопреемнику «Киевского княжества», сформировавшемуся из «многих племенных

и городских миров», которое «не могло объединиться в *государство* в нашем смысле слова и в XI веке распалось», поэтому «точнее всего будет определить Киевскую Русь как совокупность многих княжений, объединенных одною династией, единством религии, племени, языка и народного самосознания. Это самосознание достоверно существовало: с его высоты народ осуждал свое политическое неустройство, осуждал князей за то, что они „несли землю розно“ своими „которами“, т. е. распрями, и убеждал их быть в единстве ради единой „земли Русской“, однако «политическая связь киевского общества была слабее всех других его связей, что и было одной из самых видных причин падения Киевской Руси». [Платонов 1899, с. 70]. С одной стороны, подобные представления о религиозном и этническом единстве восходили к консервативной «триаде» С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность» (уже в конце 1830-х гг. ее влияние можно обнаружить в лекциях Н. Г. Устрялова). С другой стороны, они характеризовали не столько социально-политическую, сколько социокультурную общность, что сближало трактовку С. Ф. Платонова с трактовкой М. А. Максимовича.

Сходных представлений придерживался В. О. Ключевский, периодически употреблявший термин «Киевская Русь» в «Лекциях» первой половины 1870-х гг. [Ключевский 1997, с. 126, 127, 136, 141], а позже в «Курсе русской истории», где частота его употребления возросла [Ключевский 1987, с. 82, 93, 101, 131, 144, 157, 210–212]. Здесь термин также интерпретируется двояко. В политическом плане Русь — это первоначальная территория Киевской земли, а возникшее на этой территории Киевское княжество — первоначальная форма Русского государства [Ключевский 1987, с. 159, 161–163, 178]. В социокультурном плане это синоним восточнославянского единства и «колыбели русской народности», поскольку «пробуждавшееся чувство народного единства цеплялось еще за территориальные пределы земли, а не за национальные особенности народа» [Ключевский 1987, с. 213].

Термин «Киевская Русь» снискал популярность в трудах учеников В. О. Ключевского, вышедших в первые десятилетия XX в. Например, М. К. Любавский в курсе лекций по русской истории использовал его при анализе социальных и культурных аспектов, отмечая вслед за С. М. Соловьёвым и его

последователями различие политического быта Киевской Руси с влиятельными вечевыми собраниями, продолжение которого он видел в истории Литовской Руси, и противопоставленного ему политического быта Суздальской Руси с вотчинной властью князей [Любавский 2000, с. 19, 196, 198–200, 232, 235]. Периодически употреблялся термин «Киевская Русь» и в «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского для характеристики XI–XII вв. или т. н. до-удельного периода [Покровский 1913, с. 40, 130, 134, 135, 142, 144, 146, 185, 186, 209], впрочем, рядом можно заметить и термин «Киево-Новгородская Русь» [Покровский 1913, с. 219]. Но если для М. Н. Покровского «Киевская Русь» — всего лишь один из многих терминов, употреблявшихся в тексте, то для его однокурсника по Московскому университету и соучастника в революционном движении Н. А. Рожкова «Киевская Русь» — это не просто проходной термин, а характеристика широкого исторического периода VI–XII вв. [Рожков 1906, с. 16], который был вынесен в подзаголовок первой части его «Обзора русской истории с социологической точки зрения», вышедшего двумя изданиями в 1905 и 1906 гг.

С этого момента термин «Киевская Русь» начинает употребляться в качестве заглавия монографических исследований [Андреев 1910; Приселков 1913], компилятивных сборников [Киевская Русь 1910] и лекционных курсов, среди которых следует упомянуть курс лекций А. Е. Преснякова, читавшийся в 1907–1908 и 1915–1916 гг. в Санкт-Петербургском университете [Пресняков 1938] и представляющий контраст с его магистерской диссертацией «Княжое право в Древней Руси», где словосочетание «Киевская Русь» используется лишь пару раз [Пресняков 1909, с. 45, 62].

В «Лекциях» исследователь дал развернутую характеристику и периодизацию этого понятия: «Киевская Русь — исторический термин для обозначения вполне определенного крупного явления в истории восточного славянства: политической организации этого славянства с центром в Киеве, как она сложилась в X в. и просуществовала до середины XII в. IX и начало X в. — период образования этой организации; вторая половина XII в. — время ее распада. Кроме этого внешнего признака — политической организации, связанной с центральным значением Киева, — так называемый Киевский период

русской истории обособляется и определяет рядом других: единством особого момента в этнографической и языковой истории восточного славянства, резко отличного от предыдущего («доисторического») и последующего («удельного») периодов, единством социально-экономических признаков («примитивно-торговое государство»), общественного строя и права, духовной культуры (в области церковной жизни, письменности, искусства), наконец, в территориальных (колонизационных) условиях и международных отношениях (южная ориентация).

В общем ходе русской истории Киевская Русь имеет огромное значение как период выработки всех основ позднейшей национальной жизни, как бы далеко ни разнилось позднее дальнейшее развитие этих основ по разделению населения Киевской Руси на новые культурно-исторические типы малороссов, белорусов и великороссов. Киевская Русь впервые выработала из этнографического материала восточнославянских племен историческую народность <...>. Традиции Киевской Руси в политической и общественной жизни, в письменности и искусстве, в народном быту и праве были тем культурно-историческим фоном, на котором выросла

20 историческая жизнь и Северной, и Юго-Западной, и Западной, литовской, Руси, видоизмененные и осложненные рядом новых и разнородных элементов» [Пресняков 1938, с. 12, 13].

Наряду с термином «Киевская Русь», в «Лекциях» А. Е. Преснякова следует отметить употребление словосочетания «Киевское государство» [Пресняков 1938, с. 67, 80, 83, 87, 105 и др.], которое являлось калькой термина «Киевская держава» [Пресняков 1938, с. 88], использовавшегося в «Истории Украины-Руси» М. С. Грушевского, о концепции которого А. Е. Пресняков говорил во вступительной лекции к курсу 1907–1908 гг. «Место „Киевского периода“ в общей системе „Русской истории“» [Пресняков 1938, с. 4], из чего можно сделать вывод о терминологическом, если не об идеологическом воздействии его концепции, которое в большей степени заметно в «Лекциях» М. К. Любавского.

Выпускник Киевского университета Св. Владимира М. С. Грушевский в бытность профессором Львовского университета в Австро-Венгрии (1894–1914) сформулировал концепцию, в которой преемником «Київської держави» считалась Галицко-Волинская Русь, а «Владими́ро-Моско́вское государство»

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru